

Quincentenario filolog
ЛУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС

ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. НИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,
проф. Унив. у Београду.

КЊИГА V.

БЕОГРАД 1925—1926.

Сербо-хорватскія прилагательныя съ суффиксомъ *-ovъ* и русско-кашубскія окончанія род.

п. ед. ч. м. и ср. р. *-va* / *-vo*.

Одной изъ особенностей сербо-хорватской морфологiи, на которую до сихъ поръ не въ достаточной степени обращалось вниманiе въ научной литературѣ, является сравнительное обилiе прилагательныхъ именъ съ основой на *-o-*, распространенныхъ секундарнымъ суффиксомъ *-ovъ*. Таковы, напр. :

1. *gôlôvъ*, р. п. *golôva* „omnium rerum inops“, „бѣднякъ, не имѣющій ничего за душой“, „голышъ“. Ср. дцсл. *голь*, бл. *голь*, сх. *гб* и т. д.

2. *ludôvъ*, р. п. *ludôva* „глупый, дуракъ“. Ср. цсл. *людъ*, б. *лудъ*, сх. *луд* и т. д.

3. *slušôvъ*, р. п. *slušôva* „зловѣщiй пророкъ“ образовано отъ прилаг. *slutъ*, ср. дцсл. *слотъ*, с. *slut* „подозрительный.“ Формально это прилагательное представляетъ не что иное, какъ причастiе прош. вр. страд. зал.

4. *îrdôvъ*, р. п. *îrdôva* „бздунъ“, „кто пердитъ“. Первичное прилагательное **rêrdъ* мы можемъ пока возстановить только теоретически; ср., впрочемъ, польск. *pierd*.

5. *îrâznôvъ*, р. п. *îrâznôva*, — синонимъ вышеупомянутаго *gôlôvъ* (№ 1); ср. дцсл. *празднъ*, б. *îrâzni*, сх. *îrâzan*.

6. *krvôvъ*, р. п. *krvôva* „убiйца“, собств. „тотъ, кто проливаетъ кровь“. Ср. дцсл. *кръвнъ*, б. *крвенъ*, сх. *крвнi* и т. п.

7. *drnôvъ*, р. п. *drnôva* „болтунъ“. Повидимому, въ его основѣ лежитъ прилаг. **drnъ*, котораго корень *drn-* представляетъ собой низшую ступень иде. корня **dhren-* „звучать“, ср. сх. *дрнуши* съ др.-инд. *dhṛāpati* „звучать“. Отъ *drn-* съ помощью суффикса *-d-* образовано **drnъ-da*, отъ котораго, въ свою очередь, ведетъ начало глаголь *дрндаши* „болтать“.

8. *zgrânôvъ*, р. п. *zgrânôva* „неистовый, сумасшедшiй человекъ“. Какъ глаголь *згрануши* (изъ **съгрануши*) „взбѣситься“ предполагается глаголь *грануши*, который дѣйствительно и встрѣчается въ сх. яз. (ср. *грънуши*) въ томъ же значенiи, такъ *zgrânôvъ* предполага-

еть прилаг. **гранѡв*. Не образовано-ли это прилагательное отъ **гортъ* „производящій шумъ, крикъ“? Если-да, то **з-гранѡв* нельзя отдѣлять этимологически отъ дцсл. *гранъ* „стихъ“, дчш. *hrana* „траурный звонъ“, влж. *hropo* „рѣчь, разговор“ и т. п. (ср. Berneker EW I 232).

9. *бѣлѡв*, р. п. *белѡва* „бѣлая собака“. Ср. дцс. *вѣлѣ*, б. *бѣль*, сх. *бѣо* и пр.

10. *лѣсѡв*, р. п. *лисѡва*. Въ настоящее время это слово обозначаетъ „собаку съ бѣлымъ пятномъ“, но нѣтъ сомнѣнiя, что первоначально оно обозначало то же, что и цсл. *лѣсъ*, б. *лѣсъ*, сх. (рѣдкое) *лѣс* и др.

11. *мрѣѡв*, р. п. *мрѣѡва* „коричневый“ (о коняхъ и собакахъ). Первоначально, конечно, и это слово было синонимомъ сербо-хорв. *мрки* „черный“.

12. *гѣрѡв*, р. п. *гарѡва*. Хотя ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ мы не можемъ указать прилагат. *гарѣ* въ томъ же или приблизительно въ томъ же значенiи, однако существованiе его въ прасербохорватскомъ языкѣ гарантируютъ *гар* „кличка черной, собаки“, *гѣра* „кличка овцы пепельнаго цвѣта“, *гѣра* „кличка собаки“ (Budmani, Rječn. III 104).

13. *зѣлѡв*, р. п. *зельѡва* „сѣрый пѣсь“. И въ этомъ случаѣ мы не можемъ указать ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ прилаг. **zeljъ*, но косвенно за его существованiе въ праслав. яз. ручается литовск. *žalias* „зеленый“.

14. *шѣрѡв*, р. п. *шарѡва* „пестрая собака“. Ср. болг. *шари* „пестрый“, сх. *шари* (Изв. XXIV, 136).

15. *кѣсѡв*, р. п. *кусѡва* „куцый“ (пѣсь). Ср. б. *къси* „короткiй“, сх. *къс* id. и т. д.

16. *шѣшѡв*, р. п. *шѣшѡва* „безрогiй“. Ср. б. *шѣшъ*, п. *szuty* id. (Звукъ *ch* § 133).

17. *рогѡв*, р. п. *рогѡва* „быкъ съ большими рогами“. Хотя мы не можемъ указать въ лексикальной сокровищницѣ славянскихъ языковъ прилагательнаго *рогѣ* однако косвенно о немъ свидѣтельствуеъ р. *безрогiй*. Быть можетъ, субстантивированное прилагательное представляетъ собой прасл. *ino-rogъ*, ср. сх. *ѣнорѡг*.

18. *късмѡв*, р. п. *късмѡва*. Оно образовано отъ *късмѣ* (ср. цсл. *късмѣ*, б. *късмѣ*, ч. *късм*, п. *късм*), которое, подобно большей части другихъ именъ съ суфф. *-мѣ*, представляетъ собой субстантивированное прилагательное. Mutatis mutandis то же самое слѣдуетъ

сказать и о томъ первообразномъ прилагательномъ **grivъ*, отъ котораго образовано —

19. *grivъ*, р. п. *grivъ* „собака съ бѣлой шеей“. Какъ субстантивированное прилагательное, поэтому, мы должны разсматривать и праслав. имя *griva* (дцсл. *griva*, б. *griva*, сх. *griva* и пр.).

20. *rvndъ*, р. п. *rvndъ* „косматая собака“. Это имя образовано, вѣроятно, отъ прилагательнаго **rvndъ*, которое представляеть собой контаминацію **rvnъ* „косматый“ (ср. *rvno*, *rvnav* „косматый“, *rvnak* „локонъ“) и *rudъ* id., ср. *rvda* „густая волнистая шерсть“, *rvdasъ*, „густошерстный“, *rudъ* „кудря, локонъ“, *rvdъ* „густошерстный волъ“.

Этотъ списокъ, конечно, отнюдь не исчерпываетъ всего наличнаго запаса словъ разсматриваемаго типа, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что прилагательныя съ суфф. *-ovъ* обозначаютъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ исключительно живыя существа, обладающія извѣстными качествами въ интенсивной степени. Поэтому, въ примѣненіи къ людямъ они являются обычно бранными, ругательными прозвищами (№ № 1—8), а по отношенію къ животнымъ (собакамъ, конямъ, коровамъ, овцамъ) — просто кличками, отмѣчающими какія либо-характерныя ихъ виѣшнія особенности, чаще всего цвѣтъ (№ № 9—20).

Спрашивается, откуда же происходитъ суффиксъ *-ovъ* перечисленныхъ прилагательныхъ?

Основатель сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Miklosich отказывался его признать славянскимъ по происхожденію. Ссылаясь въ VSG II 231 на *lavъ* „надсмотрщикъ по таможнѣ“ и *vagъ* „родъ ножа“, происшедшія несомнѣнно изъ мадьярскихъ *lavъ*, *vagъ*, онъ полагаетъ, что такого же происхожденія нашъ суффиксъ и въ перечисленныхъ выше словахъ. Мысль Miklosich'a только нѣсколькими словами распространилъ Vondrák въ первомъ изданіи своей VSG I 413: напомнивъ, съ одной стороны, мадьяр. *lovъ* „воръ“ > х. *lovъ* и, съ другой стороны, туземныя сх. слова: *golъ*, *iravъ*, *iravъ*, онъ прибавляетъ: „Es wird wohl ein Kompromißsuffix sein, bestehend aus dem fremden *-o* das sich an die zahlreichen Bildungen mit *v* anschloss und ein *-ov* ergab“. Мысли Miklosich'a и Vondrák'a повторилъ, не называя ихъ авторовъ, и Leskien въ § 552 своей *Grammatik der serbokroatischen Sprache* (I, Heidelb. 1914). Непокколебимымъ на своей точкѣ зрѣнія остался Vondrák и во 2 изд. своей VSG I (Götting. 1924) 525.

Однако, противъ гипотезы о мадьярскомъ происхожденіи суфф. *-ов* въ разсматриваемой семьѣ прилагательныхъ можно пред- ставить не мало возраженій.

Во — первыхъ, даже допуская, что имена *лайбъ*, *вагбъ* и *лоибъ* дѣйствительно мадьярскаго происхожденія (что для меня лично представляетъ еще большой вопросъ), *логически* мы все же не имѣемъ права заключить отсюда, что и прочія сербо-хорв. прила- гательныя съ суффиксомъ *-овъ* возникли подъ ихъ вліяніемъ. По моему мнѣнію, гораздо естественнѣе и проще думать, что дѣло происходило какъ разъ наоборотъ: немногочисленныя заимство- ванныя мадьярскія слова съ суфф. *-о* передѣлали его въ *-ов* подъ вліяніемъ превышавшихъ ихъ численностью почти въ 10 разъ исконныхъ сербо-хорватскихъ прилагательныхъ.

Во — вторыхъ. Противъ мысли о венгерскомъ происхожденіи суфф. *-ов* въ данныхъ словахъ рѣшительно протестуетъ и сама мадьярская лингвистика устами одного изъ своихъ виднѣйшихъ представителей Asbóth'a. Въ специальной статьѣ „Magyar hatás horvát serb. Kutyanevekben?“ (Ny V. 1915, 161—165) онъ оспари- ваетъ мнѣніе Leskien'a, что суфф. *-ов* въ собачьихъ кличкахъ типа *гаров*, *белов*, *шаров* принадлежитъ его родному языку. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе мадьярскаго слависта мнѣ не доступно ни по своему языку, ни по мѣсту, гдѣ оно напечатано, — оно извѣстно мнѣ только по краткому резюме въ ЖФ III 199. Поэтому я не могу судить, на основаніи *какихъ* соображеній Ашботъ при- шель къ своему скептическому взгляду, но для меня много значить уже одинъ тотъ фактъ, что мадьярская славистика не признаетъ достояніемъ своего языка то, что хочетъ навязать ему славянская.

Въ третьихъ. Гипотеза о чуженародномъ происхожденіи суф- фикса *-ов* въ словахъ типа *бѣловъ* лишь въ томъ случаѣ могла бы разсчитывать хотя бы на минимальное вѣроятіе, если бы эти слова представляли *исключительную* собственность одного сербо-хорват- скаго языка. Однако, на самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ другое: слѣды аналогичныхъ образований сохранились въ большей или меньшей степени почти во всѣхъ остальныхъ славянскихъ языкахъ, и это обстоятельство ясно указываетъ, что ихъ сербо-хорватскія параллели гораздо древнѣе сербо-хорватскаго языка, т. е. восходятъ *по меньшей мѣрѣ* къ праславянскому языку. Въ самомъ дѣлѣ, если общеславянское *jalovъ*, „sterilis“ (цсл. *цловъ*, б. *яловъ*, сх. *jālov*, с. *jálov*, ч. *jalovj*, влж. *jałowu*, п. *jałowu*, р. *яловый*) было образовано еще въ праслав. эпоху отъ *jaъ* (р. *ялый*, лтш. *jēls*) + *-ovъ*, то почему

бы и соврем. сх. *гѣлбо*, *лѣсбо*, *бѣлбо* не могли бы быть подобнаго же происхожденія? А отъ *јалоовъ*, конечно, не отдѣлимъ съ формальной точки зрѣнія и цѣлый рядъ другихъ прилагательныхъ.

Таково прежде всего общеслав. *syrovъ* „сырой, влажный“ (сх. *сѣпров* „сырой, невареный“, с. *sirovъ* id., ч. *syrovъ*, р. діал. *сыровъ* „родъ кваса“). Оно представляетъ собой распространіе суфф. *-овъ* прилаг. *syръ*, ср. дцс. *сыръ* „crudus“, ч. *syřъ*, влж. *syry*, п. *sery*, р. *сырбѣ*.

Таково затѣмъ общеслав. же *surovъ* въ значеніи „твердый, жестокий“ (дцс. *соуровъ* „φράσος“, б. *суровъ*, вл. *surowy*, п. *surowy*, р. *суровый*). Miklosich EW 395 видитъ здѣсь лишь другую ступень чередованія гласнаго корня предыдущаго слова, но, какъ мы доказываемъ въ другомъ мѣстѣ, прасл. *sur-* въ *sur-овъ* можетъ отражать собой т. н. „высшую полную ступень“ двусложной базы *seǵǵr*, сохранившейся, между прочимъ, въ лат. *severus* и слав. *sverǵrъ*.

Таково далѣе б. прилаг. *суровъ* въ выраженіи *сурова година* („новогодній праздникъ“). Какъ показано нами въ Бодуэновскомъ сборникѣ (Prace lingwistyczne 239), это прилагательное обозначало „свѣтлый“. Слѣдовательно, его нельзя отдѣлять отъ б. *супий* „сивый, сѣдой, сѣрый“, сх. *sūr* и с. *surī* „leucorphaeus“.

Таково еще б. *мáловъ*, *мáловий* при *мáль*, *мáли*; отъ болг. имени, конечно, нельзя отдѣлять и свр. діал. (сиб.) *мáловъ* „плохой уловъ рыбы“.

Таково діал. слв. (угорск.) *skakov* въ выраженіи *skakov gnati* „мчаться галопомъ“; то же прилагательное *skakov* живетъ до сихъ поръ и въ р. выраженіи „скаковая лошадь“.

Таково ч. *hladov*, *hladovъ* „голодный“. Что эти имена образованы не отъ существит. имени *hladъ*, на это указываетъ р. діал. *голодобъ*, *-ая*, *-ое* „голодный, *-ая*, *-ое*“.

Таково ч. *bláhovъ* „взбалмошный“, образованное отъ извѣстнаго прилагательнаго *blagъ* (п. *blagi*, р. *благбѣ*).

Таково др.-пл. *catowу* „оптовый“. Его связь съ прасл. *celъ* (дцсл. *цѣлъ*, б. *цѣли*, пл. *caty*) — очевидна.

Таково р. *одушловый* „сырой, полный“ при *одушлый* въ томъ же значеніи.

Таково др.-русс. *сизовъ* „сизый“ (ср. Срезневскій, Матерьялы III 344).

Таково вр. *бѣловбѣ*, *бѣловáя*, *бѣловбѣ* „переписанный, *-ая*, *-ое* на бѣло“.

Таково вр. *черновбѣ*, *черновáя*, *черновбѣ* „написанный, *-ая*, *-ое* начерно.“

Таково вр. *шейловби* „къ теплу относящийся“, въ частности, *шейловая* (подать) „сборъ съ дому, съ дыму“, *шейловбе* „плата за тепло на постояломъ дворѣ“, *шейловыя окна* (сиб.) „зимнія, двойныя окна“.

Но особенно интересно прилагательное *молодовая*, встрѣчающееся какъ эпитетъ „воды“ въ одной сказкѣ, записанной Колосовымъ (Замѣтки 75 зд.) въ г. Бѣлозерскѣ; ср. съѣзди за живой..., *молодовой* водой (стр. 75); нашель тамъ два источника воды и не знаетъ, которая живая и которая *молодовая* (стр. 78); нѣтъ ли у него живой *молодой* воды (стр. 80); покропилъ *молодой* водой (стр. 82).

Все это примѣры, которые самымъ опредѣленнымъ и недвусмысленнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ праслав. языкѣ прилагательныя съ основой на *-ovъ* отнюдь не составляютъ *gatae aves*. Но кромѣ этихъ *прямыхъ* доказательствъ, мы располагаемъ еще цѣлымъ рядомъ косвенныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая чередованіе формъ сх. *шарѣв*: *шарѣвиш*, *дрнѣв*: *дрнѣвиш*, ч. *bláhovij*: сх. *blagovit*, ч. *hladov*: *hladovityj*, п. *całowu*: *całowity*, мр. *исшовъ*: *исшовиш* и т. д., съ одной стороны, сх. *бѣловъ*: р. *бѣловаиш*, б. *маловъ*: р. *маловаиш*, р. *сыровъ*: р. *сыроваиш*, р. *одушловый*: р. *одушловаиш* и пр., съ другой, мы невольно приходимъ къ мысли, что вторые члены этихъ отношеній представляютъ дальнѣйшее распространіе первыхъ, т. е. что (другими словами говоря) прилаг. на *-ov-ity* и *-ov-aty* произошли отъ прилаг. на *-ovъ*. Но если такъ, то никто не можетъ запретить намъ думать, что отъ такихъ же прилагательныхъ на *-ovъ* образованы и многія другія прилагательныя съ суфф. *-ovits* и *-ovats*. Вѣдь ихъ болѣе короткіе предки могли исчезнуть изъ употребленія въ современныхъ славянскихъ языкахъ по какимъ-либо чисто случайнымъ причинамъ. Т. е. я хочу сказать, что если *шаровиш* образовано отъ *шаровъ*, *бѣловаиш* отъ *бѣловъ*, *сыроваиш* отъ *сыровъ*, то почему сх. *чишовайш* не могло бы быть образовано отъ **čitov* (при *čit*), с. *dolgovat* (ср. также р. *продолговаш*) — отъ **dъlgovъ*, р. *бышроваиш* — отъ **bystrovъ*, р. *желшовайш* — отъ *žьltovъ*, п. *grubowaty* отъ **grubovъ*, мр. *гордовиш*, отъ **гърдовъ*, польск. *chorowity* отъ **chorovъ*? Конечно, при значительной продуктивности, которою обладаютъ въ слав. языкахъ оба суффикса *-ovits* и *-ovats*, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ категорическимъ *да*, но все же каждый можетъ легко догадаться, чему равенъ *x* въ примѣрномъ отношеніи: *bѣlovats*: *bѣlovъ* = *dъlgovats*: *x*.

Но если такъ, то количество праславянскихъ прилагательныхъ съ суфф. *-ovъ* мы можемъ умножить почти *ad libitum*. Мало того, я возьму даже на себя смѣлость утверждать, что въ праязыкѣ славянъ почти каждое прилагательное могло распространяться суффиксомъ *-ovъ*. А потому и современныя сербо-хорватскія прилагательныя должны быть признаны лишь „последними могиканами“ этого когда-то весьма многочисленнаго племени формъ, и въ этомъ отношеніи они представляютъ громаднѣйшій интересъ для лингвистической палеонтологіи.¹

Но значеніе нашихъ прилагательныхъ этимъ не исчерпывается. Тѣ же прилагательныя бросаютъ яркій свѣтъ на происхожденіе кашубскаго и сѣверно-великорускаго окончанія р. п. ед. ч. м. и ср. р. на *-va*, resp. *-vo*, и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я уже болѣе 20 лѣтъ учу въ своихъ лекціяхъ и изслѣдованіяхъ.²

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно (Соболевскій, Опытъ 33, Дурново-Соколовъ-Ушаковъ, Опытъ діал. карты 26, Карскій, Русская діалектологія 60), что въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, рядомъ съ болѣе частыми формами род. п. на *-vo*, встрѣчаются и болѣе рѣдкія формы съ флексіей *-va*. Такъ, кромѣ *доброво*, въ этихъ говорахъ извѣстно и *доброва*, кромѣ *злого* — *злова*, кромѣ *голово* — *голова*, кромѣ *лысово* — *лысова* и т. д. Такъ какъ въ указанныхъ говорахъ неударяемое *o* не переходитъ въ *a*, то обыкновенно формы на *-va* принято объяснять какъ морфологическія новообразованія — по аналогіи именного склоненія. Но если бы это было такъ, то мы ожидали бы, что въ орбиту притяженія основъ на *-o-* войдутъ и формы род. п. на *-go*. Однако, ни въ одномъ изъ свр. говоровъ мы не найдемъ формъ типа **бълога*, **голога*, **злога*, **доброга*. Я не говорю уже о томъ, что противъ возможности такого объясненія сильно говоритъ и существованіе подобныхъ прилагательныхъ съ окончаніемъ *-va* въ словинскомъ языкѣ, что какъ будто говоритъ въ пользу праславянскаго происхожденія тѣхъ и другихъ.³

¹ Я употребляю этотъ терминъ въ томъ смыслѣ, какой онъ имѣетъ въ извѣстной книгѣ Meyer-Lübke, *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft*, Zweite Aufl., Heidelberg 1909, S. 95.

² Въ послѣдній разъ въ Праславянской Грамматикѣ Нѣжинъ. 1916 г. § 274.

³ Правда, Lorentz, *Slov. Gramm.* § 163 словинское окончаніе *-va* объясняетъ изъ праславянскаго *-vo*, но самъ же себѣ противорѣчитъ, констатируя въ § 32 что *-a* получается въ словинскомъ языкѣ изъ праславянскаго открытаго *a*.

Но не будемъ, впрочемъ, *п̄редръшайтъ* происхожденіе ни свр., ни кашубскихъ формъ р. п. на *-ва*. Я пока прошу читателя только объ одномъ, — обратить вниманіе на странный фактъ полнаго совпаденія свр. формъ р. п. ед. ч. на *-ва*: *гѡлова*, *цѣлова*, *крѡвнова*, *лысова*, *п̄разнова* и т. д. съ соответствующими формами р. п. выше перечисленныхъ сербскихъ прилагательныхъ *гѡлова*, *бѣлова*, *крѡнова*, *лысова*, *п̄разнова* и т. д. И русскія и сербскія формы имѣютъ одно и то же окончаніе и, по существу, одно и то же значеніе; расходятся онѣ только акцентуально, да и то только на первый взглядъ: окаменѣлыя свр. формы род. п. *однова*, *п̄репѣва* — съ ясно указывають, что и живыя формы того же падежа имѣли нѣкогда удареніе на конечномъ слогѣ, но перенесли его на начальный слогъ подъ влияніемъ соответствующихъ падежей им. п. ед. ч.: *гѡлый*, *бѣлый*, *крѡвный*, *лысый*, *п̄разный*. А если такъ, то *сходство сербскихъ и русскихъ формъ род. п̄. ед. ч. шакъ йолно, какъ шолько можно желашъ*.

Спрашивается теперь, представляетъ-ли это сходство игру случая, или же оно свидѣтельствуетъ объ исконномъ (праславянскомъ) тождествѣ тѣхъ и другихъ?

Если бы сербскія формы составляли совершенно изолированные образования, свойственныя одному лишь сербо-хорватскому языку, я ни на минуту не поколебался бы отвѣтить на этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. Но мы видѣли выше, что въ дѣйствительности эти формы составляютъ *reliquiae reliquiarum* обширной праславянской семьи прилагательныхъ именъ съ суфф. *-овъ*. Съ другой стороны, мы уже имѣли случай убѣдиться, что и русско-кашубскія формы род. п. ед. ч. на *-ва* имѣютъ нѣкоторыя права на праславянское происхожденіе. Но если такъ, то вѣроятно ли, что въ праслав. языкѣ существовали напр., двѣ формы род. п. *bēlova* различнаго происхожденія: одна отъ *bēlovъ* (ср. сх. *bēlōv*), а другая — отъ *bēlъjъ* (р. *бѣлова*, словицк. *bielewā*)? Не проще ли думать, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ одной и той же формой?

Но если мы не побоимся сдѣлать этотъ выводъ, то онъ немедленно повлечетъ за собой другой, еще болѣе интересный. Намъ придется въ такомъ случаѣ признать, что русск. формы род. пад. *бѣлова*, *гѡлова*, *лысова*, а также соответствующія имъ кашубскія, въ *этимологическомъ отношеніи* принадлежать къ склоненію не прилагательныхъ *бѣлый*, *гѡлый*, *лысый*, а къ склоненію *bēlovъ*, *golovъ*, *lyzovъ*, т. е. къ склоненію тѣхъ же прилагательныхъ, которыя до-

нынѣ употребляются въ сх. языкѣ, правда, въ полусубстантивированномъ состояніи.

Но почему же русскія и кашубскія формы оторвались отъ орбиты своего обычнаго вращенія и примкнули совсѣмъ къ другой морфологической системѣ, — къ склоненію сложныхъ прилагательныхъ типа *bělъjъ, golъjъ, lysъjъ*?

И на этотъ вопросъ намъ не трудно будетъ отвѣтить, если мы возстановимъ *первоначальныя* формы род. пад. ед. ч. м. и ср. р. этихъ послѣднихъ. Такъ какъ основной принципъ склоненія сложныхъ прилагательныхъ какъ въ балтійскомъ, такъ и славянскомъ праязыкѣ славянъ состоитъ въ самостоятельномъ измѣненіи по падежамъ ихъ обѣихъ частей, адъективной и прономинальной, то, въ соотвѣтствіи съ литовск. формами р. п. *bálto-jo, báso-jo, gėro-jo*, мы ожидали бы и въ праславян. языкѣ аналогичныя формы **bēla-ja, *gola-ja, lysa-ja*, т. е. формы, которыя въ звуковомъ отношеніи ничѣмъ не отличались бы отъ формъ им. п. ед. ч. ж. р. и им.-вин. п. мн. ч. ср. р. тѣхъ же прилагательныхъ. Для носителей извѣстныхъ говоровъ прасл. языка это обстоятельство, конечно, представляло большія неудобства, и вотъ они избавились отъ формъ род. п. на *-a-ja* очень просто, — они замѣнили ихъ соотвѣтствующими формами род. п. прилаг. *bělovъ, golovъ, lysovъ*. Слѣдовательно, и здѣсь мы наблюдаемъ не что иное какъ *адопшацию* инородныхъ формъ на мѣстѣ почему-либо неудобныхъ и потому осужденныхъ на медленную смерть исконныхъ формъ.

То обстоятельство, что формы род. пад. прилаг. на *-ovъ* стали отправлять функцію р. п. сложныхъ прилагательныхъ на *-jъ*, не могло не вызвать разстройства и въ рядахъ падежей первыхъ. Имѣя искони, какъ увидимъ ниже, особый оттѣнокъ значенія, прилагательныя на *-ovъ* должны были отнынѣ еще болѣе обособиться отъ своихъ сестеръ на *-jъ*, замкнуться въ еще болѣе тѣсный кругъ. А этотъ фактъ, въ свою очередь, не могъ не облегчить переходъ на службу къ сложнымъ прилагательнымъ и формъ им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. тѣхъ же прилагательныхъ на *-ovъ*. Т. е. я хочу сказать, что въ извѣстныхъ кашубскихъ и русскихъ говорахъ праслав. языка формы род. п. ед. ч. *bělova, golova, lysova* стали мало-по-малу вытѣсняться формами им.-вин. п. ед. ср. р. *bělovo, golovo, lysovo*.

Произошло это по причинамъ чисто синтаксическаго характера. Первый толчокъ къ превращенію формъ на *-ovo* въ формы род. п. ед. ч. сначала средняго рода, а потомъ и мужескаго дали прасл. діал. выраженія типа *delo dobrovo* „дѣло доброе“. Вѣдь съ этимологической

точки зрѣнія, *dobrovo* представляетъ здѣсь форму им. п. ед. ч. ср. р. отъ прилаг. **dobrovъ* (по образованію параллельнаго вышеупомянутому *bělovъ, golovъ, lysovъ*), но по своему синтаксическому смыслу она ничѣмъ почти не отличалась отъ *dobrova* въ фразѣ *dělo dobrova* „дѣло добраго (человѣка)“. Уже одно это полное или почти полное тождество *dobrovo* и *dobrova* въ данныхъ фразахъ могло послужить причиной что *dobrovo* въ первой фразѣ мало-по-малу стало чувствоваться не формой им. п., а родит. Однако, пока прилагат. **dobrovъ* продолжало употребляться въ его исконномъ чисто качественномъ значеніи, такое смѣшеніе формъ на *-vo* и *-va* могло имѣть характеръ лишь болѣе или менѣе чистой случайности. Когда же форма *dobrova* стала играть роль супплетивной въ склоненіи сложныхъ прилаг., утратившихъ свою исконную форму р. п. **dobra-ja* (ср. лит. *gėro-jo*), и когда, вслѣдствіе этого, и форма им. п. *dobrovъ* все чаще и чаще стала замѣняться формой *dobrѣjъ*, то, естественно, что и форма *dobrovo* въ фразѣ *dělo dobrovo* „дѣло доброе“ стала обозначать тоже, что *dělo dobrova*, т. е. „дѣло добраго.“

Другимъ факторомъ, способствовавшимъ превращенію формъ им.-вин. п. на *-vo* въ формы род. п., было постоянное чередованіе формъ вин. и род. п. въ зависимости отъ значенія управлявшихъ ими предлоговъ. Возьмемъ для примѣра фразу изъ болгарской пѣсни:

Сакамъ да ся омѣжъ

За едно момче *малово*

Отъ дванайсети години (Геровъ, Реч. III. 47).

т. е. „я хочу выйти замужъ за мальчика малого 12 лѣтъ“. Такъ какъ въ болгарскомъ языкѣ склоненія въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ, то *малово* не могло измѣнить въ этой фразѣ своего исконнаго синтаксическаго значенія — вин. пад. Но въ великорусскомъ языкѣ, гдѣ фразы *я выхожу за чадо малово*, и *я выхожу за мальчика малова* нѣкогда могли употребляться бокъ-о-бокъ, форма *малово* первой фразы могла легко замѣнить форму *малова* второй, особенно послѣ того какъ обѣ формы потеряли память о своей этимологической связи съ формой им. п. *маловъ*, подвергшейся субстантивизаціи (ср. вышеупомянутое свр. діал. *маловъ* „малый уловъ рыбы“).

Но самую важную роль въ процессѣ превращенія формъ им.-вин. на *-vo* въ формы род. сыграло, безъ сомнѣнія, чередованіе обоихъ падежей въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Послѣ многочисленныхъ изслѣдованій, которыя въ послѣднее время были посвя-

щены этой проблемѣ, нельзя сомнѣваться, что въ праслав. языкѣ род. п. ставился послѣ отрицанія *вм. винит.* далеко не исключительно. Поэтому мы вполне вправѣ допустить, что еще въ правеликорусскую эпоху въ устахъ одного и того же человѣка были одинаково возможны слѣд. фразы: *я не имѣю великово ѱоле* (гдѣ *великово* = *великое*), и фраза *я не имѣю великова ѱоля* (гдѣ *великова* = *великого*). Пока *великово* и *великова* чувствовались изв. ингредиентами парадигмы склоненія прилаг. **великовъ*, обѣ формы *великово* и *великова* сохранили свое исконное значеніе. Но когда форма *великова* поступила на службу къ парадигмѣ прилаг. *великъѣ*, то замѣстившая ее форма *великово* во фразѣ *я не имѣю великово ѱоля* стала чувствоваться формой родительного пад., тѣмъ болѣе, что къ этому времени употребленіе формы род. п. *вм. вин.* послѣ отрицанія сдѣлалось очень рѣдкимъ, и вскорѣ стало совсѣмъ невозможнымъ . . .

Выпаденіе изъ системы склоненія прилагательныхъ на *-овъ* формъ *им.-вин.* ед. ч. ср. р. на *-во* окончательно разстроило ихъ склоненіе. А это не могло не повести за собой медленнаго вымирания и самихъ формъ *им. п. ед. ч.* прилагательныхъ съ суфф. *-овъ*. На практикѣ процессъ ихъ исчезновенія выразился, съ одной стороны, во все болѣе и болѣе частой замѣнѣ ихъ сложными прилагательными типа *бѣлый, голый, босый, великій* и т. п., а, съ другой стороны, въ ихъ постепенной субстантивизаціи; ср. вышеупомянутыя *сыровъ* „невареный квасъ“, *маловъ* „плохой, т. е. малый уловъ рыбы“, *синева* и нѣк. др. Такой субстантивизаціи избѣжали только тѣ прилагательныя, которыя, подчиняясь вліянію сложныхъ прилагательныхъ, заимствовали у нихъ ихъ аффиксъ *-ѣ*. Это могло произойти какъ въ праславянскую такъ и въ прарусскую эпоху. Къ первой эпохѣ относятся, по нашему мнѣнію, *яловой, суровый, ищовый*, а ко второй — *скаковой, одушловый, молодовой*. Но и среди именъ прилагательныхъ послѣдняго рода нѣкоторыя обнаруживаютъ явную тенденцію превратиться въ существительныя. Я имѣю въ виду вышеупомянутыя *бѣловая* „бѣловикъ“, *черновая* „черновикъ“, *шейловое* „плата за тепло“, *шейловая* „подать съ дыму“. Одна изъ такихъ формъ окаменѣла даже въ нарѣчіе, ср. вятск. *одновыдень* „однажды“ (Зеленинъ, Отчетъ о діал. поѣздкѣ въ Вятск. г. 104) при *одновѣ*, которое, возникло эллиптически изъ сочетанія *одновѣ дня*.¹

¹ Ср. формы род. п. ед. *одинова, единова*, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ старинныхъ памятникахъ бѣлорусской письменности XV и XVI. в.; неточно о нихъ Карскій, РФВ XXIX, 58.

Перечисленными образованиями не исчерпывается вся масса субстантивированных прилагательных и числительных с суффиксом *-овъ* в русском языкѣ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще одну цѣлую огромную категорію такихъ существительныхъ, происшедшихъ изъ прилагательныхъ, — это отчества на *-овъ*, чрезвычайно распространенныя въ великорусскомъ языкѣ вообще и сѣверно-великорусскомъ нарѣчїи въ особенности. Какъ я уже показалъ въ специальной статьѣ, посвященной исторіи этихъ *patronymica* (Изв. XI, 4, 144 sq.), уже съ первой половины XV в. въ русскихъ документахъ длинной вереницей тянутся личныя прозвища *Хоробровъ*, *Глуховъ*, *Шесшовъ*, *Рябовъ*, *Сухновъ*, *Тейловъ*, *Южновъ*, *Суховъ*, *Пусшовъ*, *Съровъ*, *Румяновъ*, *Погожевъ*, *Нтьмовъ*, *Хорошевъ*, *Синевъ*, *Бъловъ*, *Черновъ*, *Грозновъ*, *Дурновъ*, *Меншовъ*, *Трегубовъ*, *Стъчновъ*, *Свиртъшовъ*, *Борзовъ*, *Мячковъ*, *Вшоровъ*, *Долговъ*, *Гладковъ*, *Зубашовъ* и т. д., и т. д. Всѣ такія фамильныя имена отнюдь не составляютъ рѣдкости и въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ.

Первоначально значеніе этихъ именъ не имѣло ничего общаго съ патронимическими, они были такими же *качественными* прилагательными, какъ и всякія другія прилагательныя съ суфф. *-овъ*. Поэтому, сербск. *бѣлв* должно быть признано этимологически тождественнымъ съ русск. фамиліей *Бъловъ*, *гѣлв* съ р. *Головъ*, *лѣсв* съ р. *Лысовъ*, *крѣнв* съ р. *Кровновъ* и т. д. Въ *patronymica* русскія прилагательныя превратились подъ совокупнымъ дѣйствіемъ слѣдующихъ факторовъ.

Какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, такъ и въ русскомъ имена прилагательныя могли обозначать не только предметы и животныхъ, но и людей. Конечно, и въ этомъ послѣднемъ значеніи *Бълый*, *Стдой*, *Дурной* и т. д. въ род. п. звучали первоначально двояко: какъ *Бълова* и *Бълово*, какъ *Стдова* и *Стдово*, какъ *Дурнова* и *Дурново* и т. д. Допустимъ теперь, что въ личное прозвище превратилось на русской почвѣ то прилагательное, которое въ сербскомъ языкѣ обозначаетъ собаку, т. е. *бъловъ*. Такое им. *Бъловъ* въ род. п. должно было звучать какъ *Бълова*, т. е. также, какъ и р. пад. отъ *Бълый* и *бълый*, — по крайней мѣрѣ послѣ описаннаго выше процесса адаптаціи формы *bělova* на мѣсто исконной **бѣлаја*. Ослабленіе ассоціативной связи имени *Бъловъ* съ исконной формой его род. пад. *Бълова* привело его въ положеніе морфологической изоляціи. При такихъ обстоятельствахъ, оно естественно должно было бы уступить свое мѣсто своему синониму

Бълый или *Бль*, но этого не случилось, такъ какъ *Бльовъ* подверглось вліянію довольно многочисленныхъ притяжательныхъ прилагательныхъ типа *ойцевъ*, *брайовъ*, *дядовъ*. Эти послѣднія, случайно совпавъ съ первымъ формально, и заставили его измѣнить его исконное качественное значеніе въ патронимическое: *Бльовъ* стало обозначать не „*Бълый*“, а лицо, *іроисходящее* отъ *Бльаго*. *Mutatis mutandis* тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ *patronymica* на *-овъ*: *Сьдовъ*, *Дурновъ* и пр. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ весьма интересному выводу. Если мы попробуемъ произнести фразу *Сказаніе Храброго* по сѣверно-великорусски какъ *Сказаніе Храброво*, и сопоставимъ затѣмъ съ церковнослав. *Храброво Сказаніе*, то окажется, что въ первомъ и во второмъ случаѣ *Храброво* представляетъ не двѣ различныя формы, какъ должны думать сторонники фонетической теоріи происхожденія русс. и кашуб. окончанія *-во*, а *одну и ту же форму*: все различіе между ними заключается въ томъ, что первая представляетъ *синтаксическое* новообразование (обозначаетъ род., а не им. п.), а вторая *семасіологическое* (обозначаетъ притяжательное прилагательное, а не качественное). Но съ *этимологической* точки зрѣнія *Храброво* въ обоихъ случаяхъ представляетъ форму им. п. ср. р. отъ прилаг. **chorbrowъ*, по образованію и своему исконному качественному значенію ничѣмъ не отличавшагося отъ перечисленныхъ выше общеславянскихъ *jalovъ*, *surovъ*, сербскихъ *гдѣв*, *бѣлѣв*, болг. *маловъ*, польск. *сашов* и пр.

А если такъ, то и во фразѣ *Рукойиси гр. Толстѣова* — *Толстѣова* только со школьно-грамматической точки зрѣнія является формой род. п. отъ *Толстѣой*; съ генетической же точки зрѣнія *Толстѣова* есть не что иное, какъ совершенно правильная форма род. п. отъ *Толстѣовъ*, и притомъ, вѣроятно, въ ея исконномъ качественномъ значеніи. Патронимическое значеніе въ формѣ *Толстѣовъ* возникло на глазахъ исторіи, почти одновременно съ развитіемъ такого же значенія въ формѣ р. п. *Толстѣово* (ср. Васюкъ Назимъ сынъ *Толстѣово* въ док. ок. 1500 г.). Поэтому не случайно и другія многочисленные *patronymica* на *-ово* типа *Дурново*, *Сухово*, *Бльово*, *Долгово* и пр. выступаютъ въ памятникахъ почти одновременно съ соответствующими притяжательными именами на *-овъ*: *Дурновъ*, *Суховъ*, *Бльовъ*, *Долговъ* и пр. и употребляются съ ними параллельно, бокъ-о-бокъ (ср. Изв. XI, 4, 150 sq.).

Но какъ ни важны описанныя выше условія превращенія качественныхъ прилагательныхъ на *-овъ* въ патронимическія, все же едва-ли бы они оказали такое рѣшающее вліяніе на судьбы ихъ,

если бы къ этому не предрасполагало ихъ самое происхожденіе ихъ суффикса *-овъ*. Какъ мы имѣли уже случай указать въ нашей П. Г. § 276, прилагательныя *golo-ovъ*, *bělo-ovъ*, *lyso-ovъ* и т. п. принципиально представляютъ такія же сложныя прилагательныя, какъ и *dobro-jъ*, *zelo-jъ*, *silno-jъ* и т. п.: все различіе между ними заключается только въ томъ, что въ послѣднихъ въ роли аффикса является указательное мѣстоименіе **is > jъ*, а въ первыхъ такимъ же аффиксомъ служитъ указательное мѣстоименіе *-до-, -ц- > овъ*.¹ А такъ какъ это мѣстоименіе обозначало „ближайшій къ субъекту предметъ или лицо“, то прилагательныя, образованныя при помощи этого мѣстоименнаго аффикса, могли легко развить въ своемъ корнѣ значеніе качества, *ближайше* свойственнаго данному субъекту или объекту. А изъ этого значенія еще легче могло эволюционировать, съ одной стороны, то значеніе „качества въ интенсивной степени“, которое мы выше констатировали въ сербскихъ бранныхъ словахъ *лудовъ*, *гдловъ*, *ѣразновъ*, *ѣрдовъ* и пр., а также въ сербскихъ же кличкахъ животныхъ: *шаровъ*, *гаровъ*, *мркбовъ* и пр., съ другой же стороны, — значеніе той „тѣсной зависимости одного субъекта отъ другого“, частной разновидностью которой и является значеніе патронимическое . . .

* * *

Такимъ образомъ, мы въ третій разъ приходимъ къ тому же выводу, который дважды мы сдѣлали въ двухъ нашихъ болѣе раннихъ произведеніяхъ: въ диссертациі „Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго п. ед. ч. м. и ср. р. въ славянскихъ языкахъ“ (1 изд. въ Варш. 1903, 2 изд. въ М. 1905) и въ вышеупомянутомъ этюдѣ „Patronymica на *-ово* въ русскомъ языкѣ“, — именно къ выводу, что русско-кашубскія флексіи род. п. ед. ч. *-во* и *-ва* ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выведены фонетически изъ *-го*, resp. *-га*. Если въ первой работѣ мы сдѣлали такой выводъ на основаніи изученія сложныхъ мѣстоименій вообще, а во второй — на основаніи изученія русскихъ *patronymica* на *-ово*, то въ настоящемъ этюдѣ мы пришли къ тому же результату на основаніи изученія сербо-хорватскихъ и инославянскихъ прилагательныхъ съ суфф. *-овъ*. Какъ видитъ читатель, и въ этомъ случаѣ всѣ три дороги привели насъ въ одинъ Римъ истины . . .

¹ Совершенно вѣрно Шкарић сближаетъ съ этимъ мѣстоименіемъ южнославян. частичку *ve* и другія родственныя съ ней образованія; ср. его статью Южнослав. речнице *-ve* J. Ф. III, 81—83.

На собранный въ указанныхъ моихъ работахъ фактической матерьяль и на предложенное въ нихъ его освѣщеніе недостаточно обратила вниманія г-жа Плотникова въ своей статьѣ „Къ вопросу объ окончаніи род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода мѣстоименій и сложныхъ прилагательныхъ“ (Изв., XXIV, 1, 285 sq). Отвѣчая на мое замѣчаніе (Прасл. гр. § 274), что если бы *-во* возникло изъ *yo*, то мы ожидали бы это явленіе не въ сѣв.-влр., а скорѣе въ южно-великорусс. и малорусс. говорахъ, гдѣ *γ* составляетъ не исключеніе (какъ въ сѣверно-великорусс. говорахъ), а правило, — Плотникова, на основаніи собственныхъ наблюденій надъ произношеніемъ этого звука въ лично ей извѣстныхъ олонецкихъ говорахъ, указываетъ, что *γ* въ этихъ говорахъ „сравнительно поздняго происхожденія и по своему характеру не тождественъ не только съ *mr.* и *br.*, но даже и съ ювр. соотвѣтствующимъ спирантомъ. Повидимому, вмѣстѣ съ этимъ, онъ менѣе устойчивъ, болѣе склоненъ къ исчезновенію, чѣмъ ювр. *γ*“. Но въ олон. говорахъ *γ* извѣстно не только въ формахъ род. п., но и во многихъ другихъ положеніяхъ. Поэтому, даже признавая объясненіе Плотниковой вѣрнымъ для олонецкихъ говоровъ, мы не имѣемъ права сказать того же относительно тѣхъ многочисленныхъ свр. говоровъ, гдѣ звуки *γ* и *в* слышатся *исключительно* въ формахъ род. п. мѣст. и прил.; вѣдь звукъ *γ* могъ здѣсь фонетически возникнуть на мѣстѣ выпавшаго билабиальнаго *w* (см. ниже). А потому г. Плотникова по меньшей мѣрѣ поспѣшно стряхла пыль со стараго мнѣнія Бодуэнъ-де-Куртене (ЖМНПр. 1897), что окончаніе *-yo > -vo* есть „результатъ фонетическаго ослабленія и перерожденія въ формахъ съ *йсихической стороны вѣроятъ обособленныхъ и своеобразныхъ*“.

И статья Плотниковой, и мои работы ускользнули вольно или невольно отъ вниманія van-Wijka въ его новѣйшей статьѣ, посвященной этому вопросу „Die grossrussische pronominale Genitivendung *-vo* (Streitberg — Festgabe, Leipz. 1924, s. 410—417). Здѣсь голландскій славистъ присоединяется въ принципѣ къ гипотезѣ Meillet M. S. Z. XIX 115 sq., что окончаніе *-vo* возникло изъ *-go* вслѣдствіе того артикуляціоннаго „ослабленія“ *g*, которое будто бы такъ часто наблюдается въ *mots accessoires*, въ частности въ мѣстоименіяхъ. Но какъ мало отвѣчаетъ эта гипотеза дѣйствительности, я уже успѣлъ показать въ своей Прасл. Грамматикѣ § 274. Къ сожалѣнію, и этотъ трудъ, повидимому, остался неизвѣстнымъ van-Wijk'у: онъ нашелъ бы тамъ совсѣмъ другія объясненія тѣхъ фактовъ, которые онъ приводитъ въ подтвержденіе гипотезы

Meillet. Это, во-первыхъ, русскія діалектологическія формы личныхъ мѣстоименій *шея, сея, шеје, сеје*, которыя, какъ и подобныя чехословацкія формы (оставшіяся, повидимому, лейденскому слаvistу неизвѣстными) находятся въ этимологической связи съ литовск. притяжательными *tāvas, šāvas*; 2. сѣверно-великорусскія формы типа *тою* и *тоһо*, которыя предполагаютъ своимъ этимологическимъ ргіus не *togo*, а *towo*, resp. *тоцо*: выпаденіе между гласными билабиальнаго *w*, resp. *ц* — многочисленныя примѣры этого явленія привелъ не такъ давно М. Przegonia-Kryński въ своей прекрасной статьѣ „Z ruskich notat djalektologicznych“ (М. Р. VI, 229 sq.), — породило въ однихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ *тоо*, въ другихъ *тоһо*, а въ третьихъ (подъ вліяніемъ того?) *тою*.

Г. Ильинскій.